

RU

Проблемы «женской идентификации» в драме Гаяза Исхаки «В пучине» («Дулкын эчендә»)

Шарипова А. С., Шамсутова А. А.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности художественного воплощения проблемы «женской идентификации» в пьесе татарского писателя Гаяза Исхаки (1878-1954) «Дулкын эчендә» («В пучине», 1920). В статье проясняется роль женщины как созидающего начала, выявляются особенности постановки вопроса «женской свободы». Научная новизна исследования видится в малоизученности данной темы и заключается в комплексном и рецептивном анализе философско-эстетических взглядов Г. Исхаки на проблемы «женской автономности», «женской культуры». В результате доказано, что Гаяз Исхаки в художественном плане воплощает идею о том, что самоопределение героиней себя лишь как матери и жены и дальнейшее осознание неповторимости жизни рождает в ней идентификацию собственной уникальности как женщины. Но процесс этот протекает не гладко и приводит к изменению в ее самосознании, которое основано на национальной картине видения мира.

EN

“Women’s Identification” Issues in Gajaz Ishaki’s Drama “In the Abyss” («Дулкын эчендә»)

Sharipova A. S., Shamsutova A. A.

Abstract. The purpose of the research is to determine the peculiarities of artistic realisation of the “women’s identification” issue in the play «Дулкын эчендә» (“In the Abyss”, 1920) by the Tatar writer Gajaz Ishaki (1878-1954). The paper clarifies women’s role as a creative principle, determines how the question of “women’s freedom” is raised in the play. Scientific novelty of the research is accounted for by the fact that this topic has not been studied extensively and lies in conducting a comprehensive and receptive analysis of G. Ishaki’s philosophical and aesthetic views on the issues of “women’s autonomy”, “women’s culture”. As a result, the researchers have proved that Gajaz Ishaki artistically realises the idea that the heroine’s self-identification only as a mother and wife and her further understanding that life is unique give rise to her identifying her own uniqueness as a woman. However, this process is not straightforward and leads to changes in the heroine’s self-consciousness, which is based on the national worldview.

Введение

Гаяз Исхаки (1878-1954) – основоположник новой татарской литературы начала XX века. Его деятельность оказала огромное влияние на развитие татарской драматургии и театра в первой половине двадцатого столетия. И. Нуруллин (2003) справедливо отметил его значение для культуры татарского народа: «Среди тех писателей, которые после 1917 года оказались в эмиграции, но оставили глубокий след в истории татарской литературы, занимает особое место и Гаяз Исхаки, без художественного и публицистического наследия которого трудно было бы объяснить стремительное развитие национальной общественной мысли и реалистической литературы в начале XX века» (с. 344). А. Ахмадуллин (2012) подчеркивает, что «творчество Г. Исхаки отличается тем, что в его произведениях подняты темы и проблемы, не разрешенные коммунистической идеологией... в них сильно художественная правда» (с. 300).

Актуальность настоящей статьи объясняется тем, что рассмотрение творчества Гаязи Исхаки в контексте изучения в нем художественно-эстетического воплощения проблемы женского самоопределения способствует выявлению национальных особенностей бытия и культуры татарского народа, места и роли женщины в семье, изменения самосознания татарской женщины. Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие задачи: 1) использовать комплексный подход при изучении «женской этики» в пьесе «Дулкын эчендә» («В пучине», 1920), которая была написана в период эмиграции писателя; 2) определить в пьесе

особенности постановки вопроса «женской идентификации», «женской свободы» и художественного воплощения «женской культуры»; 3) выявить место драмы в развитии татарской драматургии и культуры XX века.

Теоретическую базу исследования составили научные труды литературоведов А. Ахмадуллина (2012), Р. Ганиевой (1998), А. Каримовой (Шамсутовой) (Каримова, 2000; Шамсутова, 2003), Х. Махмутова (Мәхмүтов, 1993), Х. Миннегулова (Миңнегулов, 1999), Ф. Мусина (1998), И. Нуруллина (2003), А. Сахапова (Сәхапов, 1997), М. Хасанова (Хәсәнов, 1998) и др., отражающие особенности развития татарской литературы начала XX века, а также затрагивающие отдельные аспекты творчества Г. Исхаки, определили его роль в литературе и развитии татарского социума XX столетия, а также публикации татарских, отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматриваются специальные вопросы «женской свободы» и социокультурного развития общества и положения женщины в нем (М. Бигиева, 1914; Ф. Сулеймани, 1914; С. Кайдаш, 1993; Э. Фромм, 1992 и др.).

Для осмысления идей Гаяза Исхаки, воплощенных в драме «В пучине», в статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-типологический, рецептивный и литературно-эстетический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание философско-эстетических размышлений драматурга. Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов в фундаментальных трудах по истории татарской литературы, на курсах по творчеству Гаяза Исхаки, по татарской драматургии и театральному искусству в вузах, при составлении учебников и методических пособий по этим темам.

Основная часть

Драма «Дулкын эчендә» («В пучине») – одно из первых произведений Г. Исхаки периода эмиграции (Мәхмүтов, 1993, с. 60). Она была написана в 1920 году и опубликована в 1937 году в Берлине (Ганиева, 1998, с. 76). Драма является художественным воплощением теории о «призвании женщины» жертвовать собой и своим личным счастьем ради благополучия семьи, мужа и детей, которую еще в начале XX столетия обсуждали и татарские женщины-просветители под лозунгом «Хөррият нәрсә?» («Что такое свобода?») в контексте семьи («Гаилә») (Сөләймания, 1914, № 1, с. 3; 1914, № 3, с. 1-4). Г. Исхаки, освещавший в ранних своих произведениях вопрос женской судьбы в плане социальной автономности, здесь уже вводит в противоречие друг с другом собственные концепции относительно роли женщины в обществе и ее личного счастья.

Идентификация – это составная часть человеческого восприятия, благодаря которой человек раскрывает себя по отношению к социуму, к себе и другим людям. «В идентификации, как можно заметить, есть две стороны – внешняя и внутренняя. Внешняя – это сходство обстоятельств, поведения, поступков. Внутренняя идентификация отражает духовный мир человека, его мысли и чувства, его характер, мотивы его поведения» (Трофимова, 2020, с. 937). Проблема женской идентификации в драме «В пучине» раскрывается через две сюжетные линии: линию жизни главной героини Разии и линию жизни ее дочери Бану. По мнению литературоведа М. Бахтина (1975), каждый герой и образ, попавший в текст произведения, – «это образ, который должен передать какую-то идею» (с. 145). М. Бахтин особо обращает внимание на то, что слова в литературном произведении вводятся с определенной целью. Поэтому монологи Разии, Каримы, Махруи представляют ценность как «голос автора драмы». На примере двух судеб драматург размышляет о правильности сделанного женщинами выбора. Первая линия – это судьба Разии: *вдовство – отказ выйти замуж – жертвование собой / посвящение себя ребенку – одиночество*. За «жертвование собой» Разия наказывается *«испытанием одиночеством»*. Вторая линия – это жизнь дочери Разии – Бану: *отказ от матери – выбор личного счастья – вдовство – одиночество*.

В монологе главной героини Разии раскрывается ее душевная боль от того, что дочь недооценила ее поступок, который стоил матери личного счастья: *«P а з ы я. Үзе өчен анасының нинди корбаннар ясаганын башына да кертеп чыгармаенча... үзенең тормышы берлә мәш булып китте»* (Исхакий, 1992, с. 70). / *«P а з ы я. Не зная даже о том, на какие жертвы ради нее пошла мать, она увлеклась своей жизнью»* (здесь и далее подстрочный перевод авторов статьи. – А. Ш., А. Ш.). За отказ понимания душевной боли своей матери Бану «наказывается» «испытанием одиночеством». Как видим, оба варианта бытия женщин приводят их к одинаковым последствиям – к одиночеству. «Испытание одиночеством» – это один из излюбленных мотивов Г. Исхаки, который прослеживается в его произведениях еще с начала его творчества. Например, в романе «Тормышы бу?» («Жизнь ли это?») главный герой (шакирд) свои душевные переживания, полученные от «испытания одиночеством», фиксирует в своих дневниковых записях (Мусин, 1998, с. 143).

Итак, прежде всего, попытаемся определить культурный контекст проблемы женской идентификации и вписать в этот контекст главную героиню произведения. Контекст женской идентификации представляется в драме как зеркало судьбы героини. Оно художественно отражает ее бытие, поступки, намерения и, как показывает драматург, страшит ее, ибо Разия, вдовствующая татарка, видит в нем свою жизнь, прожитую не так, как хотелось бы. В свете понимания проблемы женской идентичности героиня осознает упущенные возможности, стремления быть любимой женщиной. Для описания ее душевных переживаний Г. Исхаки использует «диалектику души», перенятую от Л. Толстого, и по-новому применяет для изображения своих героев и их взглядов. Глядя на жизнь своей дочери Бану, героиня начинает понимать сущность собственного «Я» и своих поступков. По мнению А. Сахапова, Г. Исхаки специально демонстрирует все эпизоды жизни Разии, чтобы раскрыть понимание ею смысла жизни (Сәхапов, 1997, с. 365).

Главная героиня ради единственной дочери Бану отказывается выйти замуж повторно за вдовца Хайруллу: *«P а з ы я. Мин үземә, үземне шул бердәнбер баламны тәрбияләүгә багышлыйм, дип сүз биргән инде»* (Исхакий, 1992, с. 54). / *«P а з ы я. Я уже дала слово, что посвящаю себя воспитанию своего единственного ребенка»*. Ей нелегко

дается этот шаг: Разия полна страданий, вызванных борьбой разума и чувств. Описывая психологическое состояние Разии, драматург ставит философский вопрос: «Кә р и м ә. Ләкин шул корбанның кадерен балаң беләчәкме? Аның үз тормышы бер чәчәк атса, үз язмышы алдына килеп басса, ул сине уйлап торачакмы?» (Исхакий, 1992, с. 55). / «К а р и м а. Однако сможет ли оценить эту жертву твоя дочь? Будет ли она думать о тебе, когда ее жизнь будет раскрываться перед ней в своей красе?». Таким образом, он доказывает, что «жертвовать собой» ради ребенка не тождественно «материнской любви». Поступок Разии ассоциативно напоминает нам схожую ситуацию из произведения Г. Исхаки «Кәләпүшче кыз» («Тюбетейщица», 1900). Разия противопоставляется Кариме, которая вышла замуж, чтобы быть за-мужней женщиной и обеспечить свою жизнь, ради этого пожертвовав образованием и судьбой двух своих детей.

Выясняя для себя, что есть природа женского «Я», Разия прежде всего отвечает на вопрос, что такое «Женщина». В произведении она определяет себя по отношению к природе (жена), потом по отношению к Богу (мать) и обществу (вдова). Отказ от повторного замужества, сделанный для того, чтобы воспитать дочь, дать ей материнскую любовь, воспитание, приводит к тому, что она как Женщина жертвует счастьем двух людей: личным счастьем и будущим счастьем Хайруллы. В результате семейное счастье обоих разрушается, поскольку вскоре Хайруллу забирают на войну, он там погибает; а Разия остается совсем одна. Г. Исхаки многократно делает акцент на этом эпизоде жизни героини через других героев драмы (Каримы, Разии, Махруи, Хайруллы): «К ә р и м ә. Дөнъя үткәрү бик авыр бит. ...Күңел төшү дигән нәрсә бар. Нәфес теләү дигән нәрсә дә бар, эч пошу дигән уңайсызлык та бар. Сусарсың да, ачыгырсың да...» (Исхакий, 1992, с. 55). / «К а р и м а. Прожить жизнь не легко. ...Есть моменты, когда пессимизм захватывает. Есть моменты, когда желания будут овладевать, когда не можешь себе найти место. Будешь и жаждать, и голодать...» и т.д.

Вместе с «отказом женщины», «неприятием женщиной» в контекст драмы вводится идея «оскорбления души» («рәнжетү идеясе») с ее последствиями для женщины. «Неприятие женщиной» мужчины или своей матери, детей, по художественному замыслу Г. Исхаки и по его философской концепции, приводит ее к одиночеству. От горести, возникающей в результате одиночества, героиня спасается через «покаяние» («тәүбә») и совершение благих поступков, приютив мальчика-сироту Шауката (его имя переводится как «благодарность»). По мнению драматурга, только таким образом можно реализовать «идею искупления» от «оскорбления души» и одиночества, от необдуманных поступков и греха.

Проблема женской идентификации в драме «В пучине» основывается на «идеи испытания» (Бахтин, 1975, с. 204) и «идеи искупления» в философском смысле. Выявление этих идей помогает анализировать произведение в философско-религиозном аспекте. Автор драмы подчеркивает, что в Коране нет четкого запрета на вторичное замужество женщины. Однако многие татарские женщины, как и Разия, позиционируя себя мусульманской женщиной, отказывали предложениям руки и сердца мужчин, оправдывая это религиозным запретом. Г. Исхаки художественно берется доказать неправомерность и неоправданность этого поступка, акцентируя внимание на том, что в таком случае в женщине берут верх стереотипные взгляды невозможности быть и матерью, и любимой женщиной одновременно. Как утверждает М. Хасанов, обширный жизненный опыт, наблюдение за людьми дали драматургу богатый материал для переосмысления соотношения биологического и социального в формировании человеческой психики (Хасанов, 1998, с. 5-30).

Г. Исхаки, который с начала своего творчества анализирует и художественно воссоздает жизнь татарской женщины в ее разнообразии, исследовал сложную ситуацию, в которой оказывается татарская женщина, где стремление к «женской автономности» и реализация «материнской любви» ведёт к одиночеству. Разия, которая стойко сопротивлялась соблазнам быть любимой женщиной, становится бессильной перед фактом разлучения с дочерью, поставив на первое место, как подчеркивает Х. Миннегулов (1999, с. 26), «материнские чувства». Именно тогда Разия понимает, что, оставшись одна, без ребенка и без мужа, она теряет свою женскую идентичность. И в этот раз через образ Каримы Разие дается совет, предостерегающий ее от повторной ошибки: «К ә р и м ә. ...Теге көнне ясаган ялгышыны бүген икенче төрле иттереп ясарга ярамый... Инде балам өчен дип, беренче корбанны кылгансың, икенчесеннән тартына алмыйсың» (Исхакий, 1992, с. 62). / «К а р и м а. .. Ты не должна совершать ошибку, которую совершила в тот раз... Ты принесла первую жертву ради своего ребенка и не можешь отказаться от другой».

Именно эти два поступка (отказ от собственного счастья и разлука с дочерью, которая выбирает замужество и собирается покинуть мать) дают ясно понять Разие, что пришла старость и одиночество. Не желая взять ответственность за свой поступок, она испытывает обиду по отношению к своей дочери. Лишь после утраты своих возможностей (замужества, создание семьи) и женственности героиня понимает, что она не идентифицировала себя как Женщина: «Р а з ы я. Әллә минем шатланьырга хакым булмагач, хәсрәтләнергә дә хакым юк дип белдемде?! Мин дә Кеше... Мин дә – Хатын!» (Исхакий, 1992, с. 62). / «Р а з ы я. Если ты думаешь, что я не могу радоваться жизни, то не имею права и огорчаться (этому)! Я ведь тоже – Человек... Я ведь тоже – Женщина!».

В отношениях между Разией и Бану раскрывается «женская этика» (Кайдаш, 1993, с. 196-198), которая оперирует такими понятиями, как сочувствие, вскармливание и забота. Эти качества женщины больше всего ценят и обычно склонны демонстрировать. «Для женского мышления событие и его оценка резко различаются, а понятия “выбор” и “воля” являются центральными для морали» (Каримова, 2000, с. 24).

Таким образом, мы можем проследить, что героиня в течение сюжета произведения определяла себя как жена, как мать и как вдова, придерживаясь общественных стереотипов и правил. Однако выполнение такого «женского долга» не удовлетворило ее и ее потребность быть Женщиной: жить ради себя и быть просто любимой. Гаяз Исхаки придерживается мнения, что нельзя рассматривать общественное положение женщины и ее право быть просто женщиной как дуализм. Здесь вспоминаются слова великого татарского мыслителя

Мусы Бигиева (1914) относительно прав женщины быть просто Женщиной: «Шаригать исламия хөкемендә хатыннарның хөрмәтләре бөек улып, хокуклары киң исә дә, гадәтләренң, табигатьләренң, шаригатьтән галибәләре (өстен чыгулары) жаһәте илә улса кирәк, галәмә исламияттә (халык арасында) хатыннарның ижтимагый әһәмиятләре тәкъдир кылынмады (бәяләнмәде), хөрмәтләре дә, хокуклары да хак илә ригая кылынмады (кайгыртылмады, олыланмады)» (с. 46). / «Несмотря на то, что в шариате уважение к женщинам и их права прописаны, в связи с тем, что их женская природа и суть берут верх над этими правилами, то до сих пор в обществе не определена их социальная значимость, они не могут получить заслуженного внимания к себе, к своей сути и уважения». Именно поэтому Гаяз Исхаки «в очередной раз поднимает проблему женской идентификации и встает на путь защиты “женской свободы”, свободы быть любимой и любящей Женщиной» без обязательств выполнения религиозных и общественных требований (Шамсутова, 2003, с. 138). Писатель, который в начале творчества был близок к идеям европейских феминисток, требующих социальную эмансипацию, начал понимать, что лишь социальное равноправие не спасет женщину от кризиса самоидентичности. Оно может быть способом решения вопросов «женской автономности» и нравственно-этических проблем, связанных с равноправием; но на уровне души требуется другой подход для ее самоидентификации и реализации. В этом вопросе он попытался дать некую идеологию-направление, раскрывающую «женскую культуру» и «женскую свободу».

«Переходный» период Разии от позиционирования себя как части социума в сторону самоидентификации как Женщины проявляется в ее монологах, диалогах, в ее отношении к другим. Только после того, как остается одна, она понимает слова и намерения Хайруллы и искренне раскаивается: «*Р а з ы я. ...Мин гаепле... Мин сине балам өчен корбан иттем. Сине генә түгел, үземне дә корбан иттем...*» (Исхакий, 1992, с. 58). / «*Р а з ы я. .. Я виноват... Я принесла тебя в жертву ради своего ребенка. Я принесла в жертву не только тебя, но и себя тоже...*». Только после разлуки с дочерью, в одиночестве, она ясно осознает, что «вкус и радость жизни» могут быть только в полноценной семье. Размышления Г. Исхаки об этом являются «автобиографичными», поскольку после эмиграции он вынужден был жить один, посвятив себя лишь воспитанию дочери.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

1. В драме Г. Исхаки «В пучине» самоопределение героиней себя лишь как матери и жены приводит ее к одиночеству, а далее – к осознанию неповторимости жизни и рождает в ней идентификацию собственной уникальности как Женщины, которая имеет право быть счастливой и любимой.

2. В свете проблемы «женской идентификации» раскрываются основные качества «женской этики», определяется роль женщины как созидающего начала жизни; выявляются особенности постановки вопроса «женской свободы».

3. Особенности художественного воплощения проблемы «женской идентификации» проявляются через столкновение ее социальной роли и женской сущности, что приводит к раскрытию двух типов женщин в сравнении. Первый тип – это Разия, которая в течение жизни не имела «ни капли радости, оплакивала не только похороны, но и свадьбу дочери, жила ради того, чтобы делать человеку добро». Второй тип – героиня Махруя, живущая по принципу «Жизнь одинакова для всех: если будешь ее воспринимать тяжело – она будет тяжелой, а если легкой – так и выйдет» (Исхакий, 1992, с. 59). И она выбирает жить ради себя, в то же время освещая тяжелый путь других своим прекрасным настроением, советами. На смертном одре Разия дает совет своей дочери Бану выбирать Жизнь – быть Женщиной, жить любя Жизнь и быть любимой, не отрекаться от семьи ради воспитания ребенка. Полноценная жизнь, в которой женщине отводится главная роль созидания, раскрывается через символический образ «самовара», олицетворяющий «семейный очаг», и через образ «танца», который олицетворяет радость жизни: «*М а х р у я. Сүндермә самоварыңны! Гөжләп торсын!*» (Исхакий, 1992, с. 64). / «*М а х р у я. Пусть не остывает твой Самовар! Пусть всегда кипит!*».

4. В результате осмысления проблемы женской идентификации в сознании главной героини идет формирование новой философии и нового взгляда на суть и бытие женщины, смысл ее жизни. Большое внимание драматург уделяет психологическим монологам героини, видя в них истоки противоборства разума и чувств.

5. Комплексный и рецептивный методы анализов драмы дали возможность определения философско-эстетических взглядов Г. Исхаки на проблемы «женской автономности» и художественного воплощения «женской культуры». В пьесе они раскрываются через описание элементов «женской эстетики»: она воспринимается как человек, зарождающий жизнь. С помощью таких качеств «женской культуры», как чувство сострадания, которое передается из поколения в поколение, милосердия, способности не поддаваться эмоциям скорби, верить в Бога, верить в общность, Женщина связывает человечество с божественным началом.

Перспективы дальнейшего исследования. Проведенный анализ может служить направлением для дальнейшего изучения вопросов «женской культуры», «женской идентификации» в татарской драматургии, а также в целом особенностей отражения гендерного вопроса в литературе XX века.

Источники | References

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
3. Бигиев М. Хатын-кызларымыз хакында (мөхтәрәм Муса әфәнде Бигиев фикере) // Сөмбикә. 1914. № 1.

4. Ганиева Р. К. Гаяз Исхакий иҗаты (ҚДУ студентлары өчен махсус курс программасы) // Мирас. 1998. № 5.
5. Исхакий Г. Дулкын эчендә // Мирас. 1992. № 4-5.
6. Кайдаш С. О «женской культуре» // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М.: Наука, 1993.
7. Каримова А. А. Идеино-эстетическая эволюция проблемы феминизма в творчестве Гаяза Исхаки: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2000.
8. Миңнегулов Х. Ю. Гаяз Исхакий мөһажирлектә. Казан: Таң - Заря, 1999.
9. Мусин Ф. М. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм эшчәнлеге). Казан: Тат. кит. нәшр., 1998.
10. Мәхмүтов Һ. К. Гаяз Исхакий һәм татар сәхнәсе // Мирас. 1995. № 4.
11. Нуруллин И. З. Гаяз Исхаки // История татарской литературы нового времени (XIX - начало XX в.) / Акад. наук Респ. Татарстан; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова; отв. ред. Н. Ш. Хисамов и др. Казань: Фикер, 2003.
12. Сәхәпов М. Ж. Гаяз Исхакий иҗаты. Казан: «Мирас» кит. нәшр., 1997.
13. Сөләймания Ф. Хатынлык // Сөембикә. 1914. № 3.
14. Сөләймания Ф. Хөррият нәрсә? // Сөембикә. 1914. № 1.
15. Трофимова Л. Проблема идентификации с протагонистом в австрийской литературе (на материале рассказа Б. Фришмут "Bindungen") // Научный аспект. 2020. Т. 7. № 2.
16. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
17. Хәсәнов М. Х. Татар Ренессансының бөек каһарманы // Исхакий Г. Әсәрләр: 15 томда. Казан: Таткитнәшр., 1998. Т. 1.
18. Шамсутова А. А. Гаяз Исхакий иҗатында феминистик проблемаларның идея-эстетик эволюциясе. Казан: Gumanitarya, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU

Шарипова Алсу Самигуловна¹, к. филол. н.

Шамсутова Алсу Атласовна², к. филол. н.

^{1,2} Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN

Sharipova Alsu Samigullovna¹, PhD

Shamsutova Alsu Atlasovna², PhD

^{1,2} G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ alsu-samigullovna@yandex.ru, ² aatlas1@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): Гаяз Исхаки; татарская драматургия; проблема женской свободы; проблема женской идентификации; драма; Gajaz Ishaki; Tatar drama; women's freedom issue; women's identification issue; drama.